

ИСТОРИЯ

Д. В. Бугров

«НАДЕЖДА» В АНТАРКТИДЕ: ЗАГАДКИ ОФИРСКОЙ УТОПИИ КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА

В предлагаемой читательскому вниманию статье предпринята попытка своеобразной «щербатовофиции» — оправдания, или апологии, князя М. М. Щербатова, столь заметной и при этом остающейся загадочной фигуры в российской истории. Наша задача — преодолеть дуализм оценки творчества князя, призванный по возможности стыдливо замаскировать настойчиво приписываемую ему приверженность к стану убежденных защитников крепостного права. Этот дуализм заключается в оценке политических воззрений известного общественного деятеля 2-й половины XVIII столетия как прогрессивных (либеральных), а его социальных воззрений — как реакционных (крепостнических). Наша цель — показать, что М. М. Щербатов был просвещенным человеком в любом из смыслов этого понятия. Для этого нужно отказаться от приоритетности социально-политических взглядов в оценке его личности, шире осмыслить симпатии и антипатии князя в контексте современной ему эпохи. Итоги этой непростой работы будут опубликованы автором настоящей статьи в ближайшее время. Пока же представляется целесообразным (хотя бы в качестве «разминки») очистить исследовательское поле от погрешностей и заблуждений, провести работу над ошибками предшествующей историографии, протереть портрет князя от пыли ложных представлений и предубеждений, взглянуть на него сквозь игру ускользающих теней и света, или, иначе говоря, провести герменевтический анализ такого интереснейшего источника, каким был и остается хорошо известный специалистам утопический роман М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецакого дворянина».

Попытаемся отыскать в нем скрытый смысл, найти ответы на загадки, интерпретировать аллегории и метафоры, поразмышлять над недосказанным, расшифровать коды и истолковать знаки. Только тогда это многогранное произведение, обличенное одним из позднейших его критиков в «громоздкой и неповоротливой технике повествования, недостатке увлекательности» [Мильдон, 2006, 23], оживет и расцветет яркими красками, которыми оно, без сомнения, расцвело бы под внимательным взором просвещенных читателей конца XVIII в., ведь именно им автор адресовал плоды своих искренних убеждений и направленных фантазий. К сожалению, написанная в 1784 г. утопия осталась не только незаконченной, но и незнакомой современникам: роман, пролежавший среди архивных бумаг, был опубликован лишь через 112 лет — в 1896 г., в первом томе Собрания сочинений М. М. Щербатова [см.: Щербатов, 1896].

Судьба этой литературной утопии необычна: прошло уже 110 лет после ее издания, а «Путешествие» М. М. Щербатова (в отличие, скажем, от «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева) остается библиографическим раритетом. Наиболее значимые фрагменты этого удивительного литературного (исторического, философского и т. д.) источника дважды публиковались в позднее советское время, т. е. в 1970—1980-е гг. [см.: Щербатов, 1977; 1986]. Удивительно, но второе издание текста романа не появилось до сих пор. И это несмотря на то, что на рубеже XX—XXI вв. представители профессиональных научных кругов и гуманитарной интеллигенции, преодолевая многочисленные трудности на своем пути, провели огромную работу по возрождению и утверждению интереса читающей общественности к исторической проблематике, развернули активную научно-публикаторскую деятельность по изданию недоступных и зачастую почти неизвестных текстов.

Казалось бы, научный интерес к фигуре М. М. Щербатова не исчезал никогда, что подтверждают и обширные сюжеты о его творчестве в монографиях по истории развития социально-политических идей, исторических и литературоведческих знаний, и достаточно широкий круг специальных исследований, представленных в отечественной историографии. При этом к наследию князя периодически обращались и обращаются не только историки и филологи, но и философы, политологи, социологи. Его имя приводится в любом указателе персоналий или справочнике. Индекс упоминаемости его имени чрезвычайно высок. Но все же ограниченность постоянно некритически воспроизводимых одномерных характеристик, данных когда-то и кем-то (уж не А. И. Герценом ли?) [см.: О повреждении нравов, 1983, I, VI], или часто репродуцируемых не менее поверхностных дуалистических трактовок, некие устоявшиеся стереотипы в восприятии социально-политического кредо М. М. Щербатова делают его своеобразным «фактом» нашей истории — хрестоматийным, всеми упоминаемым, но так до конца и не узнанным.

Об уровне щербатоведения можно судить по разного рода ошибкам, неточностям и упущениям, которыми изобилует соответствующая литература. Один из примеров — это частые искажения самого названия утопии Щербатова. В катало-

ге утопий В. В. Святловского роман Щербатова озаглавлен просто «Путешествие в землю Офирскую» [Святловский, 1925, 96]. В. Я. Гросулом он именуется «Путешествием в страну Офирскую» [Гросул, 2000, 29], у французских филологов-славистов Л. Геллера и М. Нике — это «Путешествие в землю Офирийскую» [Геллер, 2003, 75] (поскольку в сюжете зарубежных авторов о Щербатове это единственная ошибка такого рода, данный казус можно списать на специфичность работы переводчика по обратному переводу с французского языка на русский). Н. М. Золотухина именует утопию Щербатова «Путешествием в землю Офирскую шведского дворянина С.» [Исаев, 1995, 180].

В описании Е. В. Харитоновой встречаем ошибку в географическом названии (вместо Перегаб — Переграб) и в имени офирского царя (вместо Перега — Перегой) [Харитонов, 2002, 419]. У В. И. Мильдона путешествие г-на С. описано так: «Герой Щербатова отправляется в Индию, буря заносит судно в неведомые места...» [Мильдон, 2006, 17]. Но г-н С. попал в Офирию на пути не в Индию, а из Индии, на пути домой в Швецию. Самое время ответить на вопрос: почему господин С. — дворянин именно шведский, а не какой-нибудь другой? Известно, что М. М. Щербатов питал симпатии к шведскому общественному устройству: не случайно описанию Офирии он предпосылает краткий экскурс в современную ему историю Швеции.

Наконец, подлинная путаница царит в указании дат, связанных с «Путешествием». У Е. В. Харитоновой ошибочно указывается дата написания романа Щербатова: 1773—1774 [Харитонов, 2002, 419]. Эту ошибку дублирует В. В. Штепа [2004, 252]. В. Я. Гросул указывает 1784 г. (год написания) как год публикации [см.: Гросул, 2000, 29], что, конечно же, неверно — публикация состоялась лишь в 1896 г.

В наиболее фундаментальном сочинении советского периода, посвященном общественно-политическим воззрениям М. М. Щербатова, монографии И. А. Федосова, датой публикации А. И. Герценом памфлета «О повреждении нравов в России» почему-то указан не 1858 г., а 1861 г. [см.: Федосов, 1967, 7]. «Предисловие Искандера» к этому изданию в историографическом очерке проигнорировано. Такая грубая ошибка говорит не столько об уровне исследования И. А. Федосова, сколько о качестве изучения идейного наследия М. М. Щербатова вообще: подобный казус был бы просто немыслим в библиографическом описании наследия любого из деятелей освободительного движения.

Поневоле напрашивается вывод: не пребывало ли идейное наследие князя Щербатова до недавнего времени на обочине российской исследовательской практики?

Причины шаблонности оценок этого наследия очевидны. Первая из них заключается в известной «прилипчивости» клише и ярлыков. «Дворянский публицист», «отец отечественного консерватизма», «выразитель интересов аристократического корпоративизма» — эти и подобные характеристики «русского Тацита» кочуют из статей в монографии, отсюда — в справочную литературу, а из нее — в учебники и другие популярные издания.

Другая причина состоит в продуктивности и масштабности творчества М. М. Щербатова. Его «История Российская» и памфлет «О повреждении нравов в России» произвольно превратились в источники упомянутых шаблонов, поскольку почти заслонили в щербатовском наследии все остальное. В тени этих произведений М. М. Щербатова, находящихся на виду у профессиональных ученых и на слуху у широкой общественности, остается и Офирская утопия. Действительно, о ней знают далеко не все и далеко не всё, хотя именно утопический роман помогает глубже понять, шире и ярче представить социально-политические взгляды М. М. Щербатова. Эту истину выразил современник князя М. М. Херасков, один из пионеров русской литературной утопии: «...ежели нет благополучных обществ на земле, то пусть они хотя в книгах находятся и утешают наши мысли тем, что и мы со временем можем учиниться счастливыми» [Херасков, 1794, 3]. Столетием позднее схожую мысль высказал знаменитый деятель бельгийской и международной социал-демократии рубежа XIX—XX вв. Э. Вандервельде, подобным образом определивший специфику утопической литературы: «Такие литературные произведения приятно конкретизируют абстрактные схемы, отвечают на тысячу мелких вопросов, которые срываются с языка неверующих, приучают нашу мысль свободно двигаться вне исторических категорий...» [Le collectivisme, 1906, 205].

Для кого-то М. М. Щербатов — консервативен, но для подлинных консерваторов он слишком либерален и мало понятен. Не случайно в последние годы, когда усилился интерес к традиционным идеалам и ценностям, поборники русского консерватизма опубликовали утопические произведения С. Ф. Шарапова и П. Н. Краснова, мгновенно и разом превратив автора этой статьи из счастливого обладателя букинистического антиквариата в заурядного владельца первых пожелтевших изданий тех текстов, которые ныне радуют глаз белизной бумаги, разноцветностью обложек и твердостью переплетов. Но эти самые поборники, видимо, не нашли в утопическом романе князя Щербатова того, что им хотелось бы найти, и потому обошли его своим издательским вниманием.

Что ж, этот факт вполне объясним. Консерватизм не считает *ratio* наиважнейшим условием существования и развития человека; просветительство же в пик ему — это именно рациональное познание мира, вера во всепобеждающую силу разума. М. М. Щербатов — не апологет крепостного права, а сторонник принципа иерархичности, точнее, иерархической классификации. Этот принцип по сути своей рационалистичен. Та же классификация видов К. Линнея — не что иное, как удавшаяся попытка современника М. М. Щербатова выявить структуру, удовлетворенное стремление классифицировать, установить иерархию, четко определить ее. Это традиция, идущая от Р. Декарта и Ф. Бэкона, а никак не от Э. Берка или Ж. де Местра. Для консерватизма определяющим является понятие почвы, однако у Щербатова такого понятия нет. К примеру, социальное неравенство у него транслируется не с помощью «крови» или «почвы», а с помощью образования и — шире — воспитания. В конце концов, именно этим вопросам князь посвятил свое второе утопическое путешествие, пережившее еще более длительное забвение,

чем Офирская утопия. Речь идет о частично утраченном, а возможно и незавершенном, «Путешествии в страны истинных наук и тщетного учения», которое давно известно специалистам, знакомым с архивом Щербатова [см., в частности: Федосов, 1967, 43], но впервые опубликовано совсем недавно, в 2000 г. [см.: Артемьева, 2000, 108—111].

Консерватизм как таковой появится в России несколько позже — примерно в то время, когда в Германии образуется *Tugendbund* и обозначатся пять знаменитых немецких «Ф».

Просвещение — это маяк, который светит всем, и свет его отражается не только в политической позиции, но и в мировосприятии тех или иных носителей просветительских взглядов, к каковым мы имеем все основания отнести и М. М. Щербатова.

Эти основания неопровержимы. Уже сам по себе метод перемещения в идеальную страну (не сон, а путешествие со всеми атрибутами реальности), равно как сами по себе серьезность и скрупулезность описания подробностей путешествия в Офирию (в т. ч. географических и натурологических), является абсолютно рационалистическим. Энциклопедические по объему познания и безусловная информированность автора «Путешествия в землю Офирскую...» относительно текущих событий дополняются научно-просветительской пытливостью, неуспокоенностью его мысли.

Остается оптимистически надеяться, что очередное 112-летнее забвение вот-вот закончится (в 2008 г.!) и роман об Офирии дождется «второго пришествия» к читателю, обретя не только своего издателя, но и вдумчивого редактора, который снабдит его комментариями и прочими атрибутами солидного академического издания уровня XXI в.

В интересах обеспечения максимальной доступности для встречной критики источниковедческого плана и приглашения представителей научного сообщества к продуктивной дискуссии автор настоящей статьи полагает наиболее корректным цитирование романа М. М. Щербатова по опубликованным в XX в. фрагментам.

Утопическое сознание словно хрустальная призма преломляет социально-политические идеи и, как уже отмечалось, заставляет их играть всеми цветами радуги — к обоюдному удовольствию и авторов, и читателей произведений, выдержанных в жанре утопий. Любопытно, что представление о литературной утопии как о призме или, чаще, о зеркале, куда глядятся столетиями человечество и человек, является давней метафорой, к которой нередко прибегают и современные авторы. Например, литературовед Е. В. Харитонов в своей статье предлагает вместе с Россией заглянуть в «зеркало утопий» [см.: Харитонов, 2002]. Для некоторых исследователей зеркальность утопии перерастает формат просто изящной и удобной метафоры. Так, В. И. Мильдон пишет: «“Зеркальность” — типологический признак жанра, и в сочинениях русских авторов XVIII в. он подан лишь очень незамысловато». При этом под зеркальностью автор последней по сроку издания специальной монографии, посвященной развитию утопической литературы в России, понимает такое

построение текста, при котором «...исходя из контекста, изображенный порядок зеркально не совпадает с порядком реальным» [Мильдон, 2006, 15].

Обозначим свое сомнение относительно приведенного выше утверждения и отметим: нет оснований полагать, что принцип «зеркальности» в трактовке В. И. Мильдона использован в утопии М. М. Щербатова.

Вместе с тем поддержим коллег в обращении к метафоре зеркальности — но не из чувства исследовательской солидарности или преклонения перед эстетикой зеркал (в т. ч. кривых, увеличительных и пр.). В романе М. М. Щербатова зеркальность проявляется в другом, отнюдь не метафорическом значении. Более того, в двух значениях — словотворческом (косвенном) и физико-географическом (прямым). Понятно, что Офирия — это не что иное, как «улучшенная» Россия, помещенная Щербатовым по всем правилам классической утопической литературы на крайнем юге планеты (еще не исследованном, а значит, абсолютно утопическом «месте, которого нет», в полуабстрактном «нигде»). Этот факт был осознан с момента публикации романа в 1896 г. [см.: Пыпин, 1896] и никем не оспаривается. Как не вызывает вопросов и факт прозрачности другой щербатовской аллегории: поскольку Офирия — Россия, описываемое в романе путешествие из Перегаба в Квамо представляет собой не что иное, как путешествие из Петербурга в Москву.

Но мы позволим себе утверждать нечто большее: Офирия у М. М. Щербатова — это в буквальном смысле зеркальное отражение России в южных полярных широтах. «Верх» и «низ» (север и юг) остаются неизменными, а «право» и «лево» (восток и запад) меняются местами. Эта зеркальность находит проявление (правда, в опосредованном виде) в топонимах и этнонимах, созданных автором «Путешествия». Ценную информацию содержат названия городов, озер и рек Офирии, а также народов, проживающих за ее пределами. Нет, их не следует читать справа налево — все обстоит гораздо сложнее. Топонимические творения М. М. Щербатова представляют собой не что иное, как «слова-бумажки», т. е. слова, которые имеют несколько отделений. Этот прием позднее использует признанный зеркальных дел мастер Л. Кэрролл (Шалтай-Болтай разъясняет Алисе значение слова «шорьки»: «шорек» — это помесь хорька, барсука и штопора). В таких словах переставляются слоги, меняется старое и шифруется новое значение; с их помощью авторы буквально ведут игру слов. Соответственно озеро Гоалда, река Голва, города Квамо, Евки, Перегаб, Женигибы — это не просто слова-игрушки, придуманные Щербатовым, а живые слова, содержащие запрятанную в них информацию. Впрочем, разгадка этих шифров, заботливо укрытая автором от поверхностного взгляда, на деле скрывается не так уж глубоко. Л. Геллер и М. Нике полагают, что «идею травестийной топонимии Щербатов, вероятно, нашел в “Аргениде” Баркляя» [Геллер, 2003, 76]. Впрочем, поскольку никаких аргументов в пользу этого мнения французские филологи-слависты не приводят, мы с не меньшим основанием можем предположить и обратное: возможно и то, что в своих лингвистических упражнениях М. М. Щербатов был вполне самостоятелен. Создатель романа как бы играет с читателем, проверяет гибкость его ума, проводит оригинальный тест не просто на образованность — на просвещенность.

Если смысл игры не укрылся от внимательных глаз и проницательного ума — проходи как равный в Офирию и знакомься с ее социальным устройством и прочими атрибутами жизни, рожденными не по прихоти праздной фантазии автора, а по воле его отточенного разума.

В настоящей статье приводится таблица, в которую сведены топонимы, рожденные развитым воображением князя-просветителя (см. табл.). В самом деле, интерес к языку как средству кумуляции научно-рационалистических фактов и дальнейшей трансляции полученного знания, а не просто как к инструменту межличностного общения является истинно просветительским. В связи с этим топо- и этнолингвистические опыты Щербатова представляются особенно любопытными. Нам удалось — впервые в историографии, посвященной деятельности М. М. Щербатова, — провести детальный анализ причудливой игры в топонимические головоломки, затеянной автором романа «Путешествие в землю Офирскую...» Подверглись расшифровке 47 из 50 приведенных в тексте этнонимов и топонимов (в предшествующей литературе — лишь 11). Из 47 разгаданных названий 31 установлено абсолютно точно. Относительно 16 слов остаются некоторые сомнения в их соответствии найденным значениям. Не установлены только 3 слова — названия рек *Гарба*, *Кална* и *Менку*.

Излишне пояснять, насколько интересной была впервые предпринятая в историографии «дешифровальная» работа по реконструкции скрытого в них смысла! Кто из нас в определенный период своей биографии не мечтал посоревноваться с интеллектуальными сыщиками из произведений Э. А. По («Золотой жук»), А. Конан Дойла («Пляшущие человечки») или К. Чапека («Поэт»)...

При наличии желания и терпения можно создать и карту страны Офирии, скрупулезно собирая и анализируя информацию, рассеянную (где-то гуще, где-то реже) по страницам романа, как когда-то поклонники творчества А. Грина нарисовали карту страны Гринландии.

Но и без этого понятно: запад и восток России в «зеркале» Офирии меняются местами, а ось север — юг остается неизменной. Это легко доказать с помощью географических характеристик вводимых Щербатовым этнонимов. Пали (поляки) и пиуры (пруссак) проживают на северо-востоке, в то время как тагии (китайцы) — на западе. Дысвы (шведы) привычно остаются на севере.

Моряки оказались в североофирском городе Перегабе, а затем двинулись к югу — в удаленное от океана сердце страны, город Квамо. При этом они проследовали через Габиновию [см.: Щербатов, 1986, 62]. Это упоминание весьма важно для проведения географических аналогий, ведь путешествие из Перегаба в Квамо через Габиновию означает поездку из Петербурга в Москву через Новгород. Особо заметим при этом: предпринятую М. М. Щербатовым в реальном времени за шесть лет до куда более знаменитого путешествия по этому же маршруту, описанного А. Н. Радищевым в 1790 г.

Не менее интересен анализ другого — глобального — маршрута с севера на юг, отраженного в щербатовской утопии. Не случайно взгляд М. М. Щербатова был прикован к Южному полюсу, ведь с разных сторон в том же направлении

Таблица

Установленные в романе М. М. Щербатова этнонимы / топонимы*

Этнонимы и топонимы в романе Щербатова	Расшифровка
<i>Дысвы</i>	шведы
<i>Пали</i>	поляки
Пиуры	пруссак
Тагии	китайцы (менее вероятно – турки)
<i>Вариаж</i>	Воронеж
г. Агиара	Архангельск
г. Бросыва	Выборг (?)
г. Габиновия	Новгород
г. Гарибия	Харьков (?)
г. Евки	Киев
г. <i>Ефонбиаг</i>	Екатеринбург
г. Квамо	Москва
г. Куикрец	Красноярск (?) Кузнецк (?)
г. Мамиело	Могилев (?), Минск (?)
г. <i>Облот</i>	Тобольск
г. Перегаб	Петербург
г. Сигиогая	Самара (?), Саратов (?), Симбирск (?)
г. Яарикс	Рига
Женигибы	Нижний Новгород
Занга	Казань
оз. Гоалда	оз. Ладога
оз. Голган	оз. Онежское (?)
р. Адин	р. Дина, т. е. Западная Двина (?)
р. Аепла	р. Олекма (?)
р. Аким	р. Кама
р. Био	р. Обь
р. Бозиа	р. Пселл (?)
р. Быа	р. Западный Буг (?), р. Южный Буг (?)
р. Гарба	?
р. <i>Голва</i>	р. Волга
р. Гуя	р. Луга (?), р. Шуя (?)
р. Инесна	р. Енисей
р. Кална	?
р. <i>Квамо</i>	р. Москва
р. Киява	р. Ока?
р. Киян	р. Яик (Урал)
р. Менку	?
р. Миздна	р. Десна (?)
р. Негия	р. Нева
р. <i>Облот</i>	р. Тобол
р. Онвара	р. Нарва
р. Ордиабан	Большой Дон (?)
р. Ордиаман	Малый Дон — Донец (?)
р. Паскла	р. Ворскла
р. Предна	р. Днепр
р. Унидва	р. Северная Двина
р. Холбо	р. Волхов
р. Шиширка	р. Иртыш
р. Ябла	р. Белая
р. Ятелона	р. Лена (?)

* Полуужирным шрифтом выделены центры шести генерал-губернаторств, т. е. административных единиц, пять из которых (за исключением столичного Квамо) располагались на границах Офирии. Курсивом выделены названия, смысл которых был установлен в предшествующей историографии.

устремлялись отважные путешественники, чьи имена навсегда сохранит настоящая (не фантастическая!) история. Великий британский мореплаватель Дж. Кук в 1774 г. первым пересек Южный полярный круг и спустился по водам Тихого океана до 71-го градуса южной широты, не дойдя 150—350 км до берега материка в районе современного моря Амундсена. Он не смог преодолеть ледяной барьер из айсбергов, скрывавший Антарктиду от пытливых человеческих глаз. Десять лет спустя М. М. Щербатов, находясь в стране, невообразимо далекой от Южной Атлантики, обратил свой взор в нижнюю часть земного шара, гораздо ниже «реву-щих» сороковых широт, и направил туда фрегат с символическим названием «Надежда». Его не смутило то, что Дж. Кук заявил: «Стремление достичь цели завело меня не только дальше всех... моих предшественников, но и дальше предела, до которого... может вообще дойти человек» [Магидович, 1984, 281].

Невероятно, но факт: князь М. М. Щербатов своим романом «открыл» не только «зазеркальную» Россию, но и Антарктиду! Отвлечемся от несбывшейся социально-политической утопии Офирии-России, раскроем карту и взглянем повнимательнее в материализовавшуюся со временем Офирию-Антарктиду. Быстрая мысль и богатое воображение позволили М. М. Щербатову создать первую утопию, перенесшую действие на Антарктический континент, и одно из первых описаний страны на приполярном континенте, хронологически предшествующее, скажем, «Путешествию Артура Гордона Пима» Э. А. По (любопытно, что переводивший это произведение на русский язык К. Д. Бальмонт называл Антарктиду Полу-денным материком). Герои романа Щербатова увидели таинственную землю на десятилетия раньше, чем это произошло наяву. Только 28 января 1821 г. Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, повторно штурмовавшие непокорную Антарктиду примерно с той же стороны, что и Дж. Кук, дошли до 69-го градуса южной широты и увидели с «Востока» и «Мирного» гористую землю. В 1823 г. шотландец Дж. Уэдделл проник еще дальше на юг Атлантики — открытый им залив (море Уэдделла) вдавался глубоко в тело материка как раз между двумя точками, которых достигали чуть ранее русские шлюпы. Углубившись в воды огромного залива, разделяющего Западную и Восточную Антарктиду, он добрался до 74-го градуса южной широты, побив рекорд Дж. Кука, но на своем пути не встретил никакой земли. Разочарованный Уэдделл провозгласил, что Южного континента не существует. В 1840 г. люди наконец впервые ступили на антарктическую твердь. Ч. Уилкс из военно-морских сил США высадился примерно на 67-м градусе южной широты — на участке, названном им Берегом Нокса. Именно Уилкс первым объявил о том, что разнообразные участки суши, открытые до него и им самим, являются частями единого Антарктического континента [см.: Магидович, 1985, 26—30, 305—309]. И некому было рассказать ему, что где-то на просторах громадного Полуденного материка более полувека назад оставили свои следы герои романа М. М. Щербатова.

Вернемся к так и не найденной никем Офирии. Действие романа М. М. Щербатова происходит в 1774 г.: «Декабря 12 числа уже по исчислению нашему считали мы себя быть близ мыса Доброй Надежды, когда сделалась вдруг превеликая и

необыкновенная в сих местах буря. Ветер был со стороны северной, которому никакое искусство мореплавателей сопротивляться не могло, и мы были посреди беспрерывно продолжающегося мрака и при сильном дыхании ветра несены на полдень к полюсу антарктическому. По шестидневном беспрестанном страдании, среди сильных валов морских», когда «мы уже иного кроме смерти не ожидали, вдруг буря утишилась. Декабря 19 числа блистающее солнце оказалось, и остался токмо посредственный прохладный ветерок, несущий нас к полудню». Фрегат «Надежда» оказался в 58 градусах «полуденной широты, т. е. в таком месте, куда еще, колико известно, ни один европейский корабль не проникал из-за великих льдов, окружающих антарктический полюс, и считалось невозможным туда проникнуть. Но ко удивлению нашему мы их тогда, кроме малых льдинок, не видали» [Щербатов, 1977, 27].

Известно, что Дж. Кук прибыл к ледяному барьеру около 30 января 1774 г. Следовательно, он опередил героев романа М. М. Щербатова без малого на год, но появился на дальних подступах к ледяному континенту с другой стороны — к юго-западу от мыса Горн, с тихоокеанского направления. А «Надежда», гонимая ветром от мыса Доброй Надежды, выбросилась бы на реальный атлантический берег Антарктики где-то в районе первого штурма Южного материка Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым, если бы фантазия автора не перенесла этот берег на 10 градусов к северу, т. е. не приблизила бы его к терпящим бедствие морякам на целую тысячу километров: «Офирская страна простирается от 60 градуса южной широты до Южного полюса, и по нашему исчислению, считая первый меридианал от острова Тенерифа, от 5 градуса до 85 градуса долготы» [Щербатов, 1986, 54].

Автор утопии, разумеется, еще не ориентировался по Гринвичу, который получит международное признание как нулевой меридиан только в 1884 г. (т. е. ровно через 100 лет после создания Щербатовым романа об Офирии).

И все-таки (раз уж мы взялись отвечать на всевозможные возникающие по ходу исследования вопросы) почему именно от Тенерифе? Наверное, потому, что Щербатов был испанофилом. К тому же Канарские острова, а вовсе не мыс Рока в Португалии воспринимались в те времена европейцами как западная оконечность Европы. Вспомним: когда Колумб проплыл Канары, птицы куда-то исчезли, и моряки поняли, что оказались лицом к лицу с Атлантическим океаном. Вспомним и другое: португальцы получили монополию на торговлю пряностями к югу именно от Канарских островов. Канары в представлении морских наций — форпост Европы, выходящий в Атлантический океан, последний домашний приют перед долгим плаванием на запад или на юг.

Зная расположение меридиана, на котором находится Тенерифе — главный остров Канар (17 градусов к западу от Гринвича), мы можем перевести отмеченные в романе границы Офирии в современную нам систему координат. Для этого нужно к координатам, указанным М. М. Щербатовым, прибавлять 17 градусов по долготе. Тогда Офирия расположится на огромном пространстве в 60 градусов южной широты и от 22 до 102 градусов западной долготы, т. е. по долготе от земли

Нотса (восточный берег моря Уэдделла) на востоке до берега Уолгрина (восточный берег моря Амундсена).

Значит, Офирия обращена к Южной Америке. М. М. Щербатов пишет: «Прилегают к нему четыре моря: 1) Ефиопский океан; 2) нам неизвестное, которое они Болио называют, и иже есть почти великий залив того же океана; 3) Чекариа, иже есть море от самого полюса происходящее, и 4) Зиндео, которое такое, что как великое озеро» [Щербатов, 1986, 54].

Примечательно то, что князь указывает, что моря «прилегают к н е м у» после слова «страна»: Не к ней (стране), а к нему — материку! Эта мыслительная оговорка представляется нам чрезвычайно симптоматичной: М. М. Щербатов был, так сказать, эпистемологически подготовлен к открытию именно материка (для острова или архипелага названные им координаты слишком впечатляющи по размаху).

Имеет право на жизнь и такая аналогия: как и Офирию, Россию омывают три «моря» (океана) и одно «озеро» (Каспийское море). Из офирских морей наибольший интерес для исследователя представляет Зиндео, и не только потому, что оно — «великое озеро». Конечно, это вовсе не отражение Каспия, а проекция либо Индийского океана (*Зиндео* — *Индео*), либо Черного (возможно, Средиземного) моря. Ведь по-турецки «море» — «дениз»: Черное — *Карадениз*, Средиземное — *Акдениз* (*Зиндео* — *Дениз*).

Завершая рассмотрение географического положения Офирии, отметим: хотя ее координаты и не совпадают полностью с локацией реальной Антарктиды, очерченная на карте гипотетическая земля имени князя Щербатова в любом случае попадает в антарктическую зону. По крайней мере — юридически, ведь международно-правовой режим Антарктиды и других территорий, расположенных южнее 60 градусов южной широты, регулируется Договором об Антарктике от 1 декабря 1959 г.

Отвлечемся от проблемы антарктической идентичности Офирии и возвратимся к сюжету ее зеркальности относительно географического расположения России. Если Офирия — наша географически (как и топонимически) «зазеркаленная» родина, то координаты России должны составлять от 60 градусов северной широты и от 5 до 85 градусов восточной долготы. Возможен и другой вариант с долготой. Если 17 градусов от меридиана Тенерифе надо прибавлять со знаком «минус» (ведь у Щербатова не указано, в какую сторону от Канарских островов нужно вести отсчет), то протяженность «обратно отраженной» в Офирском зеркале России определится так: от 12 градусов западной долготы до 68 градусов восточной долготы. Широта при этом не изменяется.

Что представляет собой применительно к настоящей, а не «отражаемой» с Южного полюса России 68-й меридиан? 68 градусов восточной долготы — между Тюменью и Тобольском. Тогда зеркально спроецированная с юга на север Офирия — это грубо очерченная континентальная Европа до границы с Сибирью. Впрочем, следование принципу «зеркальности» в данном случае не накладывает на автора утопии обязательство быть абсолютно точным. Конечно, Офирия не тож-

дественна, не конгруэнтна России ни в географическом плане, ни по административно-территориальному делению (ее губернии не идентичны реальным губерниям России). Если же не увлекаться «зеркальными» изысканиями, а просто отложить 80 градусов по карте исторической России от ее западной границы на восток, то окажется, что наша страна расположилась от Немана до Байкала. Вполне возможно, что М. М. Щербатов при всей его осведомленности еще не мыслил дальневосточными географическими категориями. Это подтверждает и еще один загадочный сюжет в его утопии: жители Офирии, разумеется, говорят не на русском языке. Конечно же, они говорят на санскрите. И вновь возникает вопрос: почему?

В. И. Мильдон, использующий метафору «санскрит во льдах» в названии своей книги, высказывает очень спорный тезис: М. М. Щербатов, выбрав для льдов именно санскрит, тем самым зашифровал авторское неверие в осуществимость созданной им утопии (она станет явью, когда во льдах заговорят на южном, читай — теплом, языке) [см.: Мильдон, 2006, 20]. Обоснованность этого мнения проблематична. Трудно понять, мог ли Щербатов или другой современный ему автор ожидать, что в предполагаемой южной стране должен звучать не южный (северный?) язык. Задолго до М. М. Щербатова рядом с Антарктидой (рядом, естественно, в планетарном восприятии) уже говорили на южном языке — испанском. Те, кто отправлялся на поиски Антарктиды из Вальпараисо или с Огненной Земли, слышали музыку этого жаркого романского языка. К моменту написания романа Щербатова уже более 200 лет испанская речь звучала в Чили и Аргентине, лаская слух северян, приплывших сюда открывать Антарктиду и называть впервые увиденные ими земли по-английски, по-русски или по-норвежски.

Именно санскрит был использован Щербатовым, вероятно, по целому ряду причин. Во-первых, с 1763 г., после заключения Англией и Францией Парижского трактата, вопрос об Индии приобрел в международной политике значение, сходное со значением Американского континента конца XVII — начала XVIII в., чего не мог не учитывать образованный читатель газет. С этого момента и до превращения Британской империи в Содружество Индия будет как бы синонимом колонии вообще. Недаром уже в XIX в. на санскрите говорил капитан Немо — великий и загадочный герой-мореплаватель из произведений Ж. Верна. Во-вторых, санскрит мог расцениваться автором «Путешествия» примерно так же, как россияне XXI столетия воспринимают латынь — древний и мудрый язык, запутанный и... мертвый. Благодаря завесе таинственности, покрывавшей все связанное с этим языком, М. М. Щербатов мог в своих описаниях абсолютно произвольно конструировать любые имена и названия. Наконец, в-третьих, автор, желавший заселить вымышленную страну носителями какого-либо реального языка, оказался бы перед проблемой, какой язык выбрать. Европа не годилась в силу своей привычности для читателя. Обе Америки воспринимались лингвистически как часть все той же Европы. Оставались мусульманские народы и Индия (Дальний Восток к этому времени еще не обрел актуальность: до опиумных войн Китай оставался закрытым).

Но Щербатов относился к мусульманским странам и носителям ислама вообще как к естественным врагам России: «они по закону своему суть рожденные враги христианам, и напаятование их, что прежде владычествовали над Россией, их делает паче врагами россиянам... они... суть по самому сему, связаны с турками, и всегда, когда бывает у России война с Портою Оттоманскою, тогда сии народы ясно сказуют свою преданность к оним» [Щербатов, 1896, 557—558].

В эпоху, когда раздавался гром победы и храбрый росс вновь и вновь потрясал Магометом (вспомним М. В. Ломоносова!), во времена Очакова и покоренья Крыма (не забудем и А. С. Грибоедова!) такая позиция была понятна каждому. Что касается своеобразной очарованности санскритом, то интерес к нему Щербатова — первая ласточка «моды» на Индию: и У. Коллинз, и Ж. Верн, и многие другие авторы отдали сполна дань этому увлечению. А соотечественникам Ф. И. Тютчева, звавшего русских воинов к Гангу, оставалось пробовать на прочность заботливо укреплявшийся англичанами афганский барьер. Или исследовать — вместе с забытым теперь утопистом Н. Н. Шелонским — руины таинственной цивилизации с а н с к р и т с к и х магов, покоящиеся в подземельях глубоко под Северным полюсом [см.: Шелонский, 1892, 557—558].

Итак, В. И. Мильдон предлагает поставить в центр анализа утопии Щербатова метафору «санскрит во льдах», знаменующую «абсолютную невероятность описанного (как невероятна речь юга среди полярных льдов)... Офир в системе щербатовских метафор — пустое место, и утопия русского писателя словно предполагает порядок, возможный лишь на пустом месте, где история начинается как бы сначала... Офирская земля становится разновидностью призрачного Китеж-града». Заметим: В. И. Мильдон полагает, что «санскрит во льдах», или, подкорректируем, «страна Офир на Южном полюсе», является непреднамеренной метафорой [см.: Мильдон, 2006, 17—18].

Дело не во льдах — они в романе мелькнули и исчезли. Вообще, дело не в холоде, ведь многие в свое время (и Щербатов тоже) полагали, что за ледяным поясом лежит земля с умеренным климатом: «А дабы первое учинить показание о сей стране, она, яко лежащая близ полюса Антарктического, есть страна холодная и совсем сходственная на европейские северные страны, даже что те же в ней находятся растения, те же звери и прочее, а есть токмо некоторая разность в водяных птицах, которых уже естествоописатели яко о живущих близ полюса антарктического описания учинили» [Щербатов, 1977, 23].

Моряки фрегата «Надежда» льдов, вокруг которых воздвигает свои аллюзии В. И. Мильдон, вовсе и не видели, кроме «малых льдинок» [Щербатов, 1986, 41].

По поводу какой-либо экзотичности климата Офирии для европейцев М. М. Щербатов спокойно резюмирует: «и тако, с сей стороны любопытства не заслуживает» [Щербатов, 1977, 23]. Очевидно, это не игнорирование деталей в угоду социально-политическому и моральному содержанию романа, а искреннее убеждение энциклопедиста, основанное на рациональном представлении о гипотетической Антарктиде как земле с умеренным климатом. В самом деле, зачем тратить драгоценное время на описание природы, с малых лет знакомой каждому евро-

пейскому читателю. Остается вопросом, как и почему В. И. Мильдон, не разглядев эти фрагменты романа, увлекся метафорой «санскрита во льдах». Можно лишь предположить, что во льды его завела не привязанность мальчика Кая к белым чертогам Снежной Королевы, а энергичные поиски знаков и символов, столь свойственные исследователю художественной топологии, хорошо знакомому с Ветхим Заветом и уверенно цитирующему Иова, Исайю, а также 2-ю книгу Паралипоменон [Мильдон, 2006, 17].

Продолжим тем не менее эту линию по правилам, предложенным В. И. Мильдоном. Рискнем предположить, что независимо от желания князя эта метафора имеет смысл оксюморона, поскольку Офир в восприятии ассоциируется с жарким климатом (что-то вроде «ледяного пламени» или «Лимпопо в снегу»). В 1920-е гг. американский фантаст Р. Говард, конструируя свою знаменитую вымышленную топографию, присвоил имя Офир государству, лежащему в европейском климатическом поясе — где-то в Южной Германии. Никто в литературе не был и не будет обязан ассоциировать Офир с районом Бомбея в Индии или, скажем, с островом Занзибар — точно так же, как любой автор может произвольно обходиться с Атлантидой (разве что помещать ее правила игры требуют в Атлантике) или с Эльдорадо (тут фантазия может парить, даже не сообразуясь с географией распространения испанского языка). М. М. Щербатов будто бы желает намекнуть будущему читателю, что он не хуже В. И. Мильдона знаком и с Библией. На вопрос, является ли антарктическая Офирия той самой, библейской, «и если то та — есть ли у вас ныне сии птицы, яко павлины, попугаи и слоны?», автор романа дает устами офирца Агибе утвердительный ответ с одной оговоркой: «Ни слонов, ни птиц таких у нас нет и не бывало, но как путешествие сих кораблей было через жегомый пояс земли, то могли они, брав оттуда их, привозить, а как путешествие сих кораблей кончалось в нашей земле, то может статься, что и все сие считалось якобы из земли Офирской было привезено». В самом деле, когда-то «из единой земли, называемой Иуда или Пластина, от царя Салмона приходили корабли, употребляя более двух лет на путешествие свое» [Щербатов, 1977, 62].

Проявим последовательную настойчивость и дойдем до конца обрисованным фантазией князя морским путем. Торговый корабль плывет из Передней Азии в Офирию, там на него грузят золото: в Офирии, по Щербатову, богатейшие золотые рудники. На обратном пути, где-нибудь в обжигаемых жарким солнцем землях, на борт поднимают слонов и павлинов — и соотечественники моряков могут ошибочно принять эту фауну за офирский, а не попутный товар.

Если акцентировать внимание на том, почему Щербатов назвал свою Атлантиду Офирией, а не, скажем, Пунтом, резоннее следовать за В. В. Святловским и доверяющими ему Л. Геллером и М. Нике. Анонимная утопия «*Der Wohleingerichtete Staat des Königreich Ophier*», вышедшая в Германии тремя изданиями в 1699—1704 гг. и дважды менявшая название, вполне могла повлиять на М. М. Щербатова. Она не издавалась на русском языке, поэтому в русскоязычных каталогах утопий фигурирует то как «Королевство Офирское», то как «Государство Офирское» [см., например: Святловский, 1922, 21—22; 1925, 53; Геллер, 2003, 75].

Князю-полиглоту, знавшему в дополнение к французскому и итальянскому еще и немецкий язык [см.: Федосов, 1967, 20], такое своевременное напоминание о библейском Офире вполне могло подсказать название для придуманной им страны.

Иногда предпринимаются попытки отыскать в символике Офирии отражение участия М. М. Щербатова в масонских обществах, столь распространенных в то время в России [см.: Геллер, 2003, 75, 78, 79]. Но единственное указание на принадлежность автора исследуемой утопии к масонству относится к 1746 г. («Донесение о масонах, представленное императрице Елизавете Петровне статс-секретарем Олсуфьевым»). Тринадцатилетний князь Михайло Щербатов, будучи унтер-офицером Семеновского полка, указан вместе с некими князем Голицыным, князем Воронцовым и Сумароковым. После этого Щербатов, очевидно, «полностью отошел от масонства. По крайней мере, других указаний на масонскую деятельность Щербатова не только в этот, но и в более поздний период его жизни не имеется» [Федосов, 1967, 20—21].

Л. Геллер и М. Нике уверены, что факт прибытия путешественников в Офирию именно в 1774 г. — «еще одна символическая дата, отсылающая на этот раз к подавлению восстания Пугачева, во время которого крестьяне показали, что без хозяев они могут превратиться в зверей» [Геллер, 2003, 78]. Тем самым они отказывают Щербатову, а вместе с ним и всему образованному российскому дворянству в равенстве с просвещенными европейцами. Куда им, крепостникам, интересоваться Дж. Куком (хотя, к слову, А. Н. Радищев в главе «Спасская Полесь» своего «Путешествия из Петербурга в Москву» взывает именно к авторитету знаменитого мореплавателя [см.: Радищев, 1976, 97]). Где им, малопросвещенным, знать про тех же пингвинов — они, наверное, капусту квашеную едят, пьют настойки и между делом порют крестьян... Мы же, со своей стороны, столь же интуитивно убеждены в том, что М. М. Щербатов выбрал 1774-й год с понятной и очевидной целью: отправить своих героев к Южному полюсу спустя год после Кука и тем самым придать сюжетной линии романа максимальную правдоподобность. Зато в идентификации другой даты правота французских исследователей не вызывает никаких сомнений. Когда моряки с «Надежды» появляются в Офирии, там идет 1704 г. эры, наступившей после возвращения столицы из Перегаба в древний город Квамо [см.: Щербатов, 1977, 43]. При этом 1704 г. в истории России — это своеобразная, принципиально важная для М. М. Щербатова точка отсчета новой эпохи, эпохи Петра I. Уже построен Кронштадт, уже на болотистых берегах Невы началось возведение новой столицы, Россия уже живет по юлианскому календарю. «Одна и та же дата устанавливает и сводит на нет расстояние, отделяющее читателя от воображаемого мира, создает напряжение между историей, современностью и вероятностью» [Геллер, 2003, 76]. Мы склонны видеть здесь все ту же зеркальную направленность: в России 1704 г. явился, по мысли Щербатова, первым годом фактического начала жизни страны «с Петром», а в Офирии 1704 г. напоминал, наоборот, о том, как много веков прошло с первого года начала эпохи «после Переги» (офирского аналога Петра I). Таким образом, для автора Офирской утопии 1704 г. с большой долей вероятности играл роль своеобразной точки

преломления (все той же условной «призмы»). Размышления по поводу этой «хронологической точки» сформировали в части исследовательской среды мнение, согласно которому Офирия — это Россия через 1700 лет. Т. В. Артемьева, авторитетный специалист по общественно-политическим взглядам М. М. Щербатова, утверждает, что это именно так, классифицируя «Путешествие в землю Офирскую...» как одно из наиболее известных утопических сочинений XVIII в., где описаны «возможные позитивные изменения в России через 1700 лет» [Артемьева, 2000, 104]. Если принять это как аксиому, к географической и топонимической «зеркальности» России и Офирии следует добавить и «зеркальность» хронологическую... Если же в упомянутом «зеркале» отражается еще и «поток частиц» социально-политического заряда («плохая» современная автору Россия преломляется в «хорошую» Россию будущего), перед нами нечто гораздо большее, чем ординарный литературно-утопический опус.

Итак, Офирия — перемещенная к Южному полюсу Россия, у которой, еще раз отметим, поменялись местами восточная и западная границы: пали и пиуры граничат с Офирией на востоке (тогда как реальные Польша и Пруссия соседствуют с настоящей Россией на западе), а тагии располагаются к западу от Офирии (тогда как реальный Китай — к юго-востоку). Но Офирская утопия не может быть названа утопией только географической. Герой просветительского романа совершает своеобразное путешествие по исконному маршруту русских утопистов: «из Перегаба в Квамо», т. е. из Петербурга в Москву. При этом он посещает именно тот пункт, который действительно лежит на реальном пути, — город Габиновию (Новгород). Несмотря на то, что утопия М. М. Щербатова не была известна обществу в конце XVIII в. и уж тем более не знал о ней А. Н. Радищев, совпадение поражает: «Петербург» и «Москва» являлись ключевыми понятиями для автора, пытавшегося в конце XVIII в. не без помощи иносказаний размышлять над судьбами России. И путешествие это отнюдь не исчерпывалось маршрутом «петровские реформы — допетровская Россия». Определив утопию М. М. Щербатова в качестве магической призмы, способной зеркально преломлять не только пространство и время, но и социально-политическую и экономическую реальность, и даже такой консервативный феномен, как язык, мы с сожалением вынуждены констатировать: философский камень, обладающий свойством превращения человеческих мечтаний в повседневную реальность, не найден до сих пор. Но пока океанские волны разбиваются о мыс Доброй Надежды, пока на скале над прибоем горит однажды зажженный маяк Просвещения, пока человечество продолжает неумоимо искать ответы на, казалось бы, вечные вопросы, ожидание тепла и света не оставит нас...

Артемьева Т. В. Новая Атлантида Михаила Щербатова // *Вопр. философии*. 2000. № 10. С.104—111.

Геллер Л., Нике М. Утопия в России / Пер. с фр. И. В. Булатовского. СПб., 2003.

Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000.

Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 1995.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. 3. Географические открытия и исследования Нового времени (середина XVII — XVIII в.). М., 1984.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. 4. Географические открытия и исследования Нового времени (середина XIX — начало XX в.). М., 1985.

Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира: Очерк рус. утопии и утоп. сознания. М., 2006.

«О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева: Факсимил. изд. М., 1983.

Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII в. // Вести. Европы. 1896. № 11. С.303—304.

Радищев А. Н. Избранное. М., 1976.

Святловский В. В. Русский утопический роман. Пг., 1922.

Святловский В. В. Каталог утопий. М.; Пг., 1925.

Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия: М. М. Щербатов. М., 1967.

Харитонов Е. В. Русское поле утопий (Россия в зеркале утопий) // Фантастика-2002. Вып. 2. М., 2002. С.417—477.

Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М., 1794.

Шелонский Н.Н. В мире будущего. М., 1892.

Штепа В. В. RUтопия. Екатеринбург, 2004.

Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Взгляд сквозь столетия: (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.). М., 1977. С. 22—68.

Щербатов М. М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Рус. лит. утопия / Сост. В. П. Шестаков. М., 1986. С. 37—79.

Щербатов М. М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896.

Le collectivisme. Bruxelles, 1906.

В. В. Шибаев

ИСТОРИЯ УРАЛЬСКОГО ГОРНО-ЛЕСНОГО ВЕДОМСТВА В XVIII — СЕРЕДИНЕ XIX в. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В XVIII — первой половине XIX в. Урал являлся ведущим районом отечественной металлургии. История развития уральской горно-заводской промышленности тесно связана с историей лесного хозяйства, т. к. «горные заводы хребта Уральского» с самого начала и вплоть до рубежа XIX—XX вв. работали на древесном топливе. Темпы вырубок в заводских лесных дачах как для промышленного производства, так и для нужд заводского населения увеличивались с каждым годом и привели к заметному сокращению лесов. В условиях обострения потребностей уральской горно-заводской промышленности в древесном топливе правительство предприняло ряд мер по лесопроизводству и лесосохранению. По мере реализации этих усилий на Урале решались и вопросы управления лесным хозяйством горных заводов.